

НЕФОРМАЛЬНАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Дондокова Б. Б.

НОУ ВПО «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов», г. Санкт-Петербург, Россия (192238, г. Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15), e-mail: lira-81@mail.ru

Проведен обзор исследований, направленных на изучение консолидирующего потенциала неформальных сообществ, использующих практики взаимопомощи, в современном российском обществе. В современном российском обществе дезинтеграционные процессы доминируют над интеграционными. В связи с этим особую значимость приобретают процессы влияния неформального социального взаимодействия на интеграционные процессы макроуровня. Среди таких процессов можно выделить неформальную взаимопомощь. Традиционно процессы взаимопомощи усиливаются в период трансформации социальной структуры общества и определяются объемом социального капитала, циркулирующего внутри социальных сетей. К таким социальным сетям относятся дружеские и родственные сети, в рамках которых неформальная взаимопомощь играет регулятивную функцию. В настоящий период можно наблюдать усиление консолидационного потенциала взаимопомощи в рамках функционирования виртуальных сообществ. В их деятельности наблюдается как реализация решения индивидуальных и общих социальных проблем в контексте неформального социального взаимодействия, так и развитие масштабных социальных проектов, гражданских инициатив. Такое сообщество способствует формированию макрогрупповой интеграции.

Ключевые слова: взаимопомощь, неформальное сообщество, социальная интеграция.

INFORMAL MUTUAL AID AS THE FACTOR OF SOCIAL SOLIDARITY IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Dondokova B. B.

St.-Petersburg Humanitarian university of trade unions, St.-Petersburg, Russia (192238, St.-Petersburg, street Fuchika, d. 15), e-mail: lira-81@mail.ru

The review of the researches which have been directed on studying of the consolidating potential of informal communities, using experts mutual aid, in a modern Russian society is lead. дезинтеграционные процессы dominate over a modern Russian society above integration. In this connection the special importance is got with processes of influence of informal social interoperability on integration processes of a macrolevel. Among such processes it is possible to allocate informal mutual aid. Traditionally processes of mutual aid are amplified during transformation of social structure of a society and defined by volume of the social capital circulating inside of social networks. Friendly and related networks within the limits of which informal mutual aid plays regulatory function concern to such social networks. During the present period it is possible to observe strengthening консолидационного potential of mutual aid within the limits of functioning virtual communities. In their activity it is observed as realization of the decision of individual and general social problems in a context of informal social interoperability, and to progress of scale social projects, civil initiatives. Such community assists, thus, to formation of macrogroup integration.

Keywords: mutual aid, informal community, social integration.

В современном обществе приобретает все большее значение создание сети групп взаимопомощи, содержание которой состоит в сотрудничестве и объединении людей в социальные союзы для более успешного и эффективного выживания и развития. В ряде теоретических исследований феномен взаимопомощи рассматривается как процесс, обладающий конструктивным потенциалом в процессах социальной интеграции общества. Согласно теории структурного функционализма Т. Парсонса взаимопомощь представляет собой систему, осуществляющую ряд важнейших социальных функций: адаптации, целедостижения, интеграции, а также воспроизводства образца. Категория интеграции Т.

Парсонсом рассматривается в двух значениях: 1) как процесс адаптации системы к окружающей среде; 2) как процесс стабилизации (уравновешивания) системой всех ее элементов при ее изменениях (включении в нее новых элементов).

В современный период трансформации российского общества наблюдается целый комплекс дезинтеграционных тенденций и процессов. Ф. А. Барков в качестве основных дезинтегрирующих макротенденций трансформирующегося российского общества называет устойчивый диссонанс в ценностных представлениях россиян о желаемом и реальном социальном порядке, низкий уровень социального доверия к публичным институтам, дефицит легитимности институционального порядка [1]. Так, мы можем наблюдать усиление регулятивной функции взаимопомощи в ситуации кризиса, что способствует внутригрупповой социальной интеграции. Исследование эффективности социальных сетей в региональном сообществе, проведенное Е. В. Реутовым, Л. В. Колпиной, М. Н. Реутовой, И. В. Бояриновой, показало значительный объем нерегламентированных повседневных практик, связей и отношений, которое использует население в целях выживания и решения множества социальных проблем в условиях общего недоверия к формальным социальным институтам [10]. Традиционно сетевые ресурсы социального капитала (поддержка, неформальная помощь, информация о возможностях) накапливаются в ходе повседневных взаимных или генерализованных обменов. Возможности участия в процессах взаимопомощи определяются объемом социального и индивидуального капитала участников повседневных социальных практик. Социальный капитал, выраженный в неформальных связях, достаточно интенсивно используется населением региона для решения самых разнообразных жизненных проблем (личных и членов своей семьи). Социальные сети формируются преимущественно на уровне родственных и дружеских связей, не трансформируясь в гражданские инициативы по защите и продвижению социальных интересов. Вообще, дружба, родство и длительное знакомство являются тремя базовыми категориями для описания социальных сетей и оснований доверия. Актуальным в этой связи является исследование под руководством О. Н. Хархордина, направленное на изучение политического потенциала дружбы [5]. О. Н. Хархордин проблематизирует феномен дружбы как интеграционный механизм, не без основания заявляя, что в условиях российского общества практически все социальные организации пронизаны сетями дружеского взаимодействия. Исследователь формулирует перспективу изучения неформального социального взаимодействия следующим образом: «Главная проблема построения гражданского общества в России, таким образом, сводится к необходимости мирной трансформации обширной сферы военных, негражданских отношений, то есть к их преобразованию с помощью принципов ненасильственной интеграции, столь свойственных, например, для дружеских сетей» [5, с. 18].

Для современного российского общества характерна проблема дефицита макрогрупповой интеграции, который является следствием недостаточной солидарности на микросоциальном уровне. В исследовании Е. В. Реутова и др. констатируется, что, несмотря на объективную востребованность социально-компенсаторных функций социальных сетей, развитие эффективно функционирующих неформальных сетевых структур на макросоциальном уровне сдерживается низким уровнем межличностного доверия в российском обществе и слабостью социальной инфраструктуры в виде общественных организаций [10]. Оптимальный выход в ситуации неэффективности функционирования формальных социальных институтов заключается в исследовании с целью дальнейшего использования значительного объема нерегламентированных повседневных практик, связей и отношений. Ситуативно возникающие в компенсационном режиме неформальные сообщества, использующие в своей деятельности практики взаимопомощи, являются универсальным социальным механизмом и поэтому требуют своего преобразования в более долгосрочной перспективе.

Процессы социальной интеграции происходят вне институциональных рамок в контексте неформального социального взаимодействия и соответственно требуют иного методологического подхода. При изучении характера неформальных коммуникаций, потребностей и мотивов социальных субъектов, объединяющихся для совместного решения общих социальных проблем, можно использовать субъективистский подход, базирующийся на интерпретативных теориях, теориях социального обмена Дж. Хоманса, П. Блау, теориях социального капитала П. Бурдье, Дж. Коулмена. Правомерным представляется выяснение консолидирующего потенциала неформального социального взаимодействия. П. Блау при изучении неформального социального взаимодействия внутри крупных социальных структур указывает на значимость перехода от элементарных до сложных социальных структур.

По данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора наблюдается расширение сегмента неформальных сообществ, направленных на создание сети групп взаимопомощи для решения острых социальных проблем [3]. Консолидация в подобной социально-ориентированной сети основывается на желании участников создавать общественное благо. Объединение индивидов в группы, организации и сообщества свидетельствует о достаточно высоком уровне осознания социальной действительности и активной жизненной позиции: «специфика страны заключается в том, что неформальные практики общественной активности развиты существенно лучше, чем формальные» [6].

При изучении неформальных сообществ, использующих в своей деятельности практики взаимопомощи, в сети Интернет были выявлены как реально существующие и эффективно функционирующие, так и недолговечные сообщества, в частности на сайтах

сообществ «Тугеза», «Виртуальная рында», сообщества питерских родителей. Среди наиболее успешных можно выделить проект генеральной уборки «Сделаем!», проект «Дом. Двор. Дороги» и ряд других [2, 3, 8, 12, 13].

Как правило, мотивом создания подобных сообществ является какая-либо чрезвычайная ситуация социального характера, требующая консолидации значительного количества индивидов. Эмоциональное переживание коллективной солидарности как важнейший аффективный компонент обменных операций является мощным импульсом для возникновения неформальных сообществ, использующих практики взаимопомощи как основной механизм деятельности. Так, проект «Виртуальная рында» возник в ситуации масштабных пожаров 2010 года. «Виртуальная Рында» – сообщество, использующее Интернет как средство для координации взаимопомощи, целью которого является раскрытие потенциала российского сетевого сообщества в области сотрудничества между пользователями Интернета и различными организациями, включая некоммерческие организации, государственные структуры и бизнес». Другой, не менее значимый проект [«Соседи»](#) – неполитическое объединение городских экспертов, состоящее из настоящих мастеров своего дела, среди членов – общественные деятели, юристы, журналисты, психологи, специалисты по связям с общественностью. Ведущей характеристикой взаимопомощи в сообществе является профессиональное сотрудничество в рамках неформального социального взаимодействия и совместного решения актуальных социальных проблем.

Отдельную группу представляют родительские сайты, которые осуществляют не только просветительно-информационную, консультативную (консультации разных специалистов по вопросам развития и воспитания детей), коммуникативную функции, но и функцию взаимопомощи, поддержки участников сайта в решении самых разнообразных проблем.

Качество организации деятельности виртуального сообщества и интернет-технологий определяет эффективность обменных операций между участниками виртуальных сообществ. Эффективность неформальных практик взаимопомощи в российском обществе рассматривается как учеными, так и самими участниками, прежде всего, как результативность совместного решения разнообразных социальных проблем и выражается в благотворительных акциях, которые основаны на обмене финансовыми, материальными и информационными ресурсами. Этому обмену присущи следующие характеристики социально-сетевого общения: сочетание социальной и личностной ориентированности, возможность формирования групп и вещания на них, возможность модерации общения, сильная критичность восприятия реципиентов. Сбор средств в Интернете отличается низкой

стоимостью, вирусностью распространения информации, более высоким уровнем образования доноров.

Известная зарубежная исследовательница в области социальной психологии Л. Молм в своем исследовании механизмов социальной интеграции ставит своей целью изучение процессов и структур социального обмена как контекста и факторов просоциального поведения и отношений взаимности, продуцирующих социальное доверие и солидарность. Основной объект – феномен взаимности как катализатор социальной солидарности в межличностных и межгрупповых отношениях. Основываясь на результатах ее исследования, можно определить неформальные практики взаимопомощи как взаимные (реципрокные) обмены, которые предполагают однонаправленную благотворительность, притом, что ответное вознаграждение может последовать немедленно, или будет отложено, или не случится вовсе. «В структуре не прямой взаимности не каждый из акторов зависит от какого-либо партнера, но скорее вся совокупность акторов вносит свой вклад в поддержание коллективной системы обменных действий ... Поэтому односторонние благотворительные акты «оплачиваются с течением времени – в ходе текущих обменных контрактов, а не посредством диадических транзакций, – единицей обмена с необходимостью становится отношение ... как последовательность случайных индивидуальных актов, в которых сложно выделить дискретные транзакции, поскольку тот самый акт, что завершает один обмен, нередко кладет начало другому» [14, с. 122].

Непрямые обмены, лежащие в основе неформальных практик взаимопомощи, в современном российском обществе, требуют эмпирического исследования не только в контексте обмена ресурсами, но и как фактор консолидации общества на основе аффективных и символических составляющих подобных обменов. Символическая ценность непрямых обменных операций является основным фактором развития социальных отношений на их основе и, соответственно, укрепления деятельности неформального сообщества. В целом, можно предположить, что неформальные сообщества, использующие в своей деятельности практики взаимопомощи, приводят к двум вариантам: 1) микрогрупповая солидарность способствует отделению членов данного сообщества от общества и позиционированию себя как особой группы; 2) процесс микрогрупповой интеграции способствует проявлению масштабной социальной солидарности в случае непосредственной реализации неформальным сообществом гражданских инициатив.

Для нас ключевым определением солидарности в этом исследовании будет выступать следующее: «Солидарность – это результирующий момент интеграционных процессов, идущих в обществе» [11, с. 43]. Солидарность возникает при переходе от слабо структурированного множества индивидов (соединенных только случайными факторами,

например, фактом рождения или ситуационным интересом) к состоянию структурного единства. Солидарность рассматривается как такое состояние отношений между людьми, при котором они начинают разделять единые ценностные установки, в результате чего возникает социальная целостность.

Известный российский социолог А. Б. Гофман отмечает, что создание секции «Альтруизм, мораль и социальная солидарность» в рамках 107 собрания АСА (Американская социологическая ассоциация), посвященной изучению различных аспектов социальной солидарности, является важнейшим вкладом в изучение данной проблемной области, поскольку, несмотря на свою актуальность и наличие серьезных исследовательских традиций, она недостаточно разработана [4]. Социальная солидарность в социальной психологии исследуется в контексте феноменов социального поведения: групповой сплоченности, согласия, интеграции и кооперации, эмпатии и симпатии, альтруизма и прочих форм социального поведения.

Особого внимания заслуживает проблема изменения механизмов солидаризации – виртуальные сообщества могут рассматриваться как один из основных механизмов солидаризации российского общества. «В новых условиях социальную субъектность обретают прежде бессубъектные сущности – увеличивается формальная независимость индивида и диапазон личностного планирования, возникают феномены «нового кочевничества» и транснациональных «людей воздуха», радикально возрастает значение сетевых структур и сетевого управления, при помощи которого малые группы, обладающие минимальными ресурсами, обретают возможность «несимметрично» влиять на глобальные процессы» [7, с. 9].

По поводу превалирования дезинтеграционных процессов над интеграционными среди российских исследователей наблюдается безусловное согласие. Ф. А. Барков видит проявления дезинтегрированности российского общества в амбивалентном воздействии «политической культуры» на процедуры и практики легитимации социального порядка, устанавливаемого преимущественно институтами власти. Трудно не согласиться с мнением политолога А. Н. Окары, что власть в России – единственный субъект и монополист управления. Отсюда вытекает вопрос: возможна ли солидарность только на уровне локальных групп или же она возможна в отношениях с участием государства? Ответ на этот вопрос возможен на основе исследования характера субъектности неформальных сообществ. Определение коллективной субъектности неформальных сообществ, гражданских инициатив и прочих практик по построению гражданского общества имеет спорное содержание. Коллектив образуется посредством «вертикального» организационного воздействия, за счет того, что есть некий центр, который вносит в него и удерживает на себе общее.

Определяющим признаком коллектива служит наличие очевидной и однозначной власти, внешней по отношению к подавляющему большинству его членов формы организации или воли, вынуждающей их добровольно объединяться. Субъект же открыт другому – не как начальнику или подчиненному, но как равному. Неформальное сообщество можно определить как сообщество свободных субъектов, где важную роль играет сохранение индивидуальной ответственности за развитие общего дела.

Э. Берк писал: «Отдельный человек может свалить дурака; в какой-то момент множество людей могут свалить дурака; но род мудр, и когда ему дается время, он всегда поступит правильно» [9, с. 560]. Историческая субъектность обеспечивает выполнение его членами творческой функции в историческом масштабе. Такой субъектностью обладают народы, которые в ответ на вызовы времени способны изменять условия своего исторического существования.

Список литературы

1. Барков Ф. А. Идеологическая институционализация в контексте социальной интеграции трансформирующегося российского общества: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
2. Виртуальная рында [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rynda.org/> (дата обращения 26.04.2013).
3. Всемирная уборка 2013 [Электронный ресурс]. – <http://sdelaem.info/> (дата обращения: 26.04.2013).
4. Гофман А. Б. Лас-Вегас как центр социологической мысли. Заметки российского участника ежегодного собрания Американской социологической ассоциации 2011 г. // Социологический ежегодник 2011. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – С. 173–179.
5. Дружба: очерки по теории практик: сб. статей/ [под ред. О. В. Хархордина]. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 456 с.
6. И. Мерсиянова о формировании общественных институтов. – Режим доступа: http://ria.ru/strategy2020_analytics/20110406/361755277.html (дата обращения 29.06.2011).
7. Окара А. Н. Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта // Идеология и философия солидаризма. Материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2010. – Вып. № 9. – 128 с.
8. Отцовский комитет: межрегиональное общественное движение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.otkom.ru/> html (дата обращения: 26.04.2013).
9. Розеншток-Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека. – СПб: Hermitage Publishers, 1999. – 648 с.

10. Реутов Е. В. и др. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 79–88.
11. Среды. Очерки по теории солидарности / под общ. ред. А. И. Макарова и Ю. Ю. Ветютнева. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – 119 с.
12. Сайт питерских родителей [Электронный ресурс]. – <http://www.littleone.ru/> (дата обращения: 26.04.2013).
13. Тугеза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://together.ru/about/> (дата обращения: 26.04.2013).
14. Molm L. D. The structure of reciprocity // Social psychology. – 2010. – Vol. 73. – № 2. – P. 119–131.

Рецензенты:

Горбатов Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной социальной и организационной психологии государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», г. Санкт-Петербург.

Рыжова Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов» (СПбГУП), г. Санкт-Петербург.